

Смирнова Екатерина Викторовна

*лаборант-исследователь Центра исследований общих проблем
современного Востока, Институт востоковедения РАН*

Адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12

E-mail: ekaterinasmirnova84@gmail.com

Русско-арабская коммуникация и учебный процесс в Назаретской семинарии ИППО*

DOI: 10.24411/2587-9316-2021-10001

Развитие школьного дела Императорского православного палестинского общества (ИППО) на Ближнем Востоке в конце XIX – начале XX века было сопряжено с вопросами русско-арабского взаимодействия. Для того чтобы обеспечить начальные школы ИППО педагогическими кадрами, в Назарете была открыта мужская учительская семинария. Ее возглавил выпускник русской духовной школы сириец А.Г. Кезма, который не только преподавал и руководил семинарией, но и помогал русским учителям интегрироваться в ее учебно-воспитательную систему. Поскольку русские учителя не владели арабским языком, их преподавание было малоэффективным. Отсутствие служебных прав, коммуникативные и бытовые сложности приводили к частой смене русских педагогов, что негативно отражалось на учебном процессе. Улучшить кадровый состав семинарии и сделать его более стабильным удалось после того, как русским педагогам присвоили служебные права. Выявлению недостатков учебного и коммуникативного процессов в семинарии и постепенному их устранению способствовала командировка на Ближний Восток сенатора Н.М. Аничкова и сирийского преподавателя М.О. Аттаи. На педагогических комиссиях с их участием были разработаны новые учебные программы, расширен список учебных пособий и ускорен их перевод. Утвержденные программы и инструкции вводились совместными усилиями школьного инспектора, руководителя

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-41006 на 2019–2021 годы.

семинарии и ее педагогов. По мере того как срок службы русских учителей в семинарии увеличивался, а ее штат пополнялся православными арабами, получившими образование в России, русско-арабская коммуникация становилась эффективнее, а качество образования улучшалось.

Ключевые слова: Императорское православное палестинское общество, русские школы, Палестина, Сирия, Назарет, Назаретская семинария, русско-арабское взаимодействие.

Ekaterina V. Smirnova

Assistant researcher in Center for Study of Common Problems of Contemporary East of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

Address: 107031, Moscow, Rozhdestvenka st., 12

E-mail: ekaterinasmirnova84@gmail.com

Russian-Arab communication and educational process in IOPS Teachers' Training School in Nazareth*

DOI: 10.24411/2587-9316-2021-10001

Through the period of the late 19th to the early 20th century steps undertaken by the Imperial Orthodox Palestine Society (IOPS) to expand schooling activities were closely connected with Russian – Arab collaboration. The Teachers' Training School in Nazareth was founded in order to provide IOPS primary schools with qualified pedagogical staff. A Syrian graduate from Russian theological school A.G. Kazma took charge of the Nazareth Teachers' Training School. He both taught and ran the school, he also did his best to help Russian teachers to integrate into academic activities. Since the Russian teachers didn't speak Arabic very well their teaching was not very effective. In addition to this communicative mishap there was also lack of service benefits as well as unsuitable living conditions. All the above mentioned factors led to staff turnover which drastically affected educational process. Granting service benefits to the personnel stabilized and enhanced teaching standards. Inspections of Senator N.M. Anichkov and Syrian professor M.O. Attaya to the Middle East contributed to identifying and gradual removal of faults. They participated in teachers conventions where new curriculum and syllabus were drafted, an expanded list of manuals and their translation deadline were set. Due to consolidated effort of school Inspectors, superintendent Kazma and school pedagogical staff, approved documents were introduced into educational process. Since better work conditions put an end to staff turn-

* The reported study was funded by RFBR according to the research project number 19-09-41006 for 2019–2021.

over of Russian teachers as well as Arabs qualified in Russia were recruited, expansion of educational opportunities became possible and Russian-Arab collaboration became more productive.

Keywords: Imperial Orthodox Palestine Society, Russian schools, Palestine, Syria, Nazareth, Russian-Arab links.

Конец XIX — начало XX в. стал кульминационным этапом в развитии русско-арабских отношений в дореволюционное время. Важнейшую роль в этом процессе сыграло Императорское православное палестинское общество (ИППО), которое за несколько десятилетий создало на Ближнем Востоке сеть учебных заведений. Центральное место в школьной системе ИППО занимал мужской пансион в Назарете, впоследствии переименованный в учительскую семинарию имени В.Н. Хитрово. В этом учебном заведении воспитывались юноши-арабы, которым преподавали арабские и русские педагоги. Среди выпускников семинарии были профессиональные учителя, известные переводчики, журналисты, ученые и литераторы, которые находились в авангарде палестинского культурного возрождения и играли важную роль в развитии русско-арабских отношений [Абу Ханна, 2005]. О Назаретской семинарии упоминается в работах отечественных и зарубежных исследователей, которые занимались и занимаются изучением просветительской деятельности ИППО и истории его школ. Особо следует отметить работы А.А. Дмитриевского [1907], М.П. Соловьева [2012], М.А. Старокадомского [1965], И.А. Воробьевой [2001], Н.Н. Лисового [2006], Н.А. Лагузовой [2012], А.Г. Грушевого [2016, 2018], П.В. Федотова [2015, 2020] Д. Хопвуда [1969], Х. Килдани [2010], О. Махамида [2002, 2015], Х. Абу Ханны [2005] и др. Основное внимание исследователи уделяют истории Назаретской семинарии, общим принципам и результатам учебно-воспитательной работы, биографии ее педагогов и выпускников, ставших известными деятелями арабской культуры. Несмотря на то что в работах упомянутых авторов приводятся сведения об учебном процессе в семинарии, изменения, которые происходили в нем на протяжении десятилетий, не прослеживаются. Исключение составляют работы А.Г. Грушевого, в которых содержится информация об учебных программах, составленных для семинарии в разные годы, а также приводится текст программы 1914 года [Грушевой, 2018].

Проблема русско-арабской коммуникации и профессионального взаимодействия в организации учебного дела семинарии до сих пор остается неизученной. Поскольку Назаретская семинария являлась наиболее успешным просветительским проектом Палестинского общества, необходимо исследовать механизмы, действовавшие внутри ее учебной и коммуникативной систем, посредством которых достигались высокие результаты в подготовке воспитанников. В условиях активизации сотрудничества России с Арабским Востоком в гуманитарной и научно-образовательной сферах этот вопрос представляется весьма актуальным.

Учитывая вышесказанное, в данной статье предполагается рассмотреть следующие вопросы:

- 1 какую роль играли русские и арабские педагоги в организации учебного процесса в семинарии;
- 2 как именно осуществлялось русско-арабское профессиональное сотрудничество;
- 3 каким образом происходило общение русских педагогов и школьного инспектора с арабскими учителями и воспитанниками.

От того, насколько эффективно реализовывались коммуникативные процессы в семинарии, зависело качество образования в мужских учебных заведениях ИППО. Цель данного исследования заключается в том, чтобы проследить динамику развития коммуникативного и учебно-воспитательного

процессов в семинарии и выявить в них качественные изменения, происходившие под влиянием различных факторов.

Основными источниками для изучения вышеуказанных вопросов служат материалы дел о Назаретской семинарии и галилейских школах общества, которые находятся в фонде «РИППО» Архива внешней политики Российской империи. Отдельные документы, в которых отражены трудности организации учебных заведений в Палестине, а также роль А.Г. Кезмы (агента общества и руководителя Назаретской семинарии) в этом процессе, отложились в фонде «Консульство в Бейруте» [АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 273]. Ценные сведения об учебном процессе в семинарии, профессиональных взаимоотношениях арабских и русских учителей, особенностях их службы, учебных занятиях и жизни воспитанников содержатся в отношениях школьных инспекторов (в частности, П.П. Николаевского и П.И. Рязжского) совету общества, переписке П.П. Николаевского с секретарем общества В.Н. Хитрово, протоколах педагогических советов семинарии, различных ведомостях, а также других документах [АВПРИ. Ф. 337/2 РИППО. Оп. 873/1. Д. 339, 354 и др.]. Большой интерес для изучения теоретических принципов работы семинарии представляют материалы педагогических комиссий общества, в ходе которых разрабатывались учебные программы, решались кадровые вопросы и проблемы коммуникативного характера [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 438]. Документы, в которых содержатся сведения об образовании и профессиональной деятельности православных арабов (М.О. Агтаи, А.Г. Кезмы), принимавших непосредственное участие в работе ИППО, отложились в фондах 213 и 229 Центрального исторического архива Москвы [ЦИАМ. Ф. 213 Лазаревский институт восточных языков. Оп. 2. Д. 12; Ф. 229 Московская духовная академия. Оп. 4. Д. 1676]. Объемный пласт печатных источников составили сообщения Императорского православного палестинского общества, на страницах которых опубликованы отчеты о деятельности Назаретской семинарии, составленные А.Г. Кезмой [СИППО 1897, 1909, 1910], а также школьными инспекторами А.И. Якубовичем [СИППО 1892, 1893, 1894], А.Н. Малининым [СИППО 1899] и др. Важным источником для изучения работы Назаретской семинарии являются отчеты Н.М. Аничкова [1901, 1910] и А.А. Дмитриевского [2014], которые посетили Ближний Восток в разное время. Изучение указанных документов и материалов позволяет проследить, как развивалось учебное дело в Назаретской семинарии и какую роль в этом процессе играли арабские и русские педагоги.

Согласно И.А. Воробьевой, учреждение Православного палестинского общества (ППО)¹ в 1882 г. было обусловлено рядом причин, «важнейшей среди которых представлялась необходимость расширения и укрепления политических, духовных, культурных уз, на протяжении веков связывавших Россию и Палестину» [Воробьева, 2001. С. 97].

В основные задачи ППО, прописанные в его уставе, входило поддержание православия на Святой земле путем устройства церквей, больниц и школ для местного (преимущественно арабо-христианского. — Е.С.) населения [АВПРИ. Ф. Консульство в Бейруте. Оп. 819. Д. 273. Л. 503]. Организация благотворительных учреждений должна была содействовать достижению духовно-нравственных и стратегических целей России на Ближнем Востоке. Как известно, Российская империя стремилась утвердиться на Святой земле в качестве основной державы-покровительницы христианских святынь

¹ В 1889 г. Палестинское православное общество получило статус императорского.

и местного православного населения [Грушевой, 2018. С. 260]. В условиях активной католической и протестантской пропаганды на Ближнем Востоке просвещение арабов-христиан в духе православной веры считалось наиболее эффективным средством для укрепления позиций православия в местной среде.

По мнению Н.Н. Лисового, руководство Палестинского общества рассматривало школы не только как образовательные учреждения, но и как единственный реальный инструмент конкуренции православной России на Востоке с католическими и протестантскими державами Запада [Лисовой, 2006. С. 194], создавшими в Сирии и Палестине разветвленную сеть учебных заведений. На политическую составляющую просветительской программы России в этом регионе указывают и другие исследователи. А.Г. Грушевой отмечает, что просветительская деятельность общества в перспективе позволила бы создать пророссийски настроенный слой людей из арабов-христиан [Грушевой, 2018. С. 260]. При этом наиболее образованная его часть могла бы содействовать Российской империи в реализации ее церковных, дипломатических и культурно-просветительских мероприятий на Ближнем Востоке.

Для того чтобы начать учебно-воспитательную работу в этом регионе, ППО нужен был агент, которому следовало «собирать постоянные и точные сведения о положении православных на Святой земле» и вести наблюдение за школами общества [АВПРИ. Ф. Консульство в Бейруте. Оп. 819. Д. 273. Л. 5–5 об.]. Руководство ППО полагало, что русский человек в качестве агента окажется не на «своем месте», не зная арабского языка и ближневосточных реалий. С другой стороны, агент, выбранный из местных жителей, мог стать проводником национальных (арабских) интересов. Для общества это было нежелательно, поскольку могло обострить его отношения с греческим духовенством. К тому же для назначения и соответствующего инструктажа обществу нужно было вызвать агента в Россию, а в дальнейшем вести с ним переписку [там же. Л. 6–6 об.]. По своему опыту руководство ППО знало, что решить эти вопросы с арабом, проживающим на Ближнем Востоке, будет сложно. Первое время обязанности агента общества выполнял российский консульский агент в Хайфе Селим Хури. Несмотря на то что руководители ППО высоко ценили С. Хури за ответственный подход к делу и оказанные услуги, как агент он их не вполне устраивал. Поскольку С. Хури не владел русским и французским языками, вести с ним переписку обществу было крайне сложно. Для того чтобы перевести его письма с арабского языка, в Петербурге специально обращались к преподавателю-сирийцу. Однако и после его перевода в отчетах С. Хури было не все ясно. То обстоятельство, что общество не направляло письма С. Хури для перевода русским востоковедам, позволяет предположить, что он писал их на литературном языке с примесью диалекта. В то время перевод подобных текстов мог представлять затруднения для русских арабистов. Поскольку коммуникативные сложности делали взаимодействие с С. Хури малоэффективным, руководство ППО озаботилось поиском другого агента.

Выполнить поставленные обществом задачи было под силу образованному православному арабу, который владел русским языком и был готов служить интересам России. Найти подходящего кандидата можно было только среди студентов или выпускников российских, преимущественно духовных, учебных заведений. Практика обучения православных арабов в России с целью подготовки из них образованных клириков для Антиохийского патриархата существовала с 1848 г. [Крымский, 1971. С. 305]. Поступая

в российские духовные семинарии и академии, сирийцы надеялись получить богословское образование и послужить интересам православной церкви у себя на родине [ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 4, 1330, 4602, 4605 и др.]. Однако далеко не все арабские выпускники российских духовных школ возвращались в Сирию, где продолжали служить Антиохийской церкви. Зачастую они трудоустраивались в России и не стремились возвращаться на Ближний Восток [Norwood, 1969. P. 143]. По этой причине поиск агента мог стать для общества непростой задачей.

По счастью, в начале 1880-х гг. в Московской духовной академии учился сириец Александр Гаврилович (Искандер Джабраил) Кезма, который был рекомендован руководству Палестинского общества «с самой отличной стороны» [АВПРИ. Ф. Консульство в Бейруте. Оп. 819. Д. 273. Л. 7]. За время обучения в Петербургской духовной семинарии, а затем Московской духовной академии А.Г. Кезма изучил богословские науки, освоил русский язык, усовершенствовал знание греческого и французского языков [ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 1676. Л. 12]. Несмотря на то что к лету 1883 г. А.Г. Кезма окончил только два курса академии, он пожелал оставить учебу ради службы в Палестинском обществе [там же. Л. 10]. По своим личным качествам и образованию он подходил не только на роль агента, но и педагога, а также заведующего учебными заведениями ППО. Согласно инструкции, полученной А.Г. Кезмой при отправлении на Восток, ему следовало собрать сведения о православном населении Палестины, открыть школы, найти учителей и организовать учебный процесс. Вместе с тем он должен был контролировать работу школ, заниматься составлением и переводом на арабский язык учебных пособий, а также отправлять регулярные отчеты генеральному консулу в Бейруте К.Д. Петковичу и руководству общества [АВПРИ. Ф. Консульство в Бейруте. Оп. 819. Д. 273. Л. 134–138].

Для того чтобы вести масштабную просветительскую работу на православном Востоке, ППО нужны были профессиональные кадры. Опытных учителей среди православных арабов было мало; русских педагогов, владевших арабским языком и способных преподавать в палестинских деревнях, не было совсем. Недостаточное финансирование и отсутствие опыта не позволяло ППО проводить обстоятельную кадровую политику. В подобной ситуации первыми учителями в начальных школах общества стали арабские выпускники греко-православных, католических и протестантских (нередко начальных) учебных заведений, которые не обладали необходимыми знаниями и не владели педагогическими методами. Будучи сирийцем по происхождению, А.Г. Кезма хорошо знал, что найти толковых учителей среди православных арабов будет сложно. По его мнению, вначале следовало озаботиться подготовкой педагогических кадров, а затем уже открывать школы. Для того чтобы решить кадровую проблему, А.Г. Кезма предлагал В.Н. Хитрово готовить учителей в России или в учебном заведении, открытом для этих целей в Палестине [Kildani, 2010. P. 142]. Поскольку иерусалимское духовенство негативно относилось к развитию русского школьного дела в пределах своего патриархата, в обществе обсуждалась возможность открыть училище в Бейруте или даже в Одессе. Однако после прямых переговоров В.Н. Хитрово с Иерусалимским патриархом Никодимом ППО получило согласие на открытие учительской семинарии в Назарете [Лисовой, 2006. С. 201]. Этот крупный религиозный центр не случайно стал средоточием просветительской активности ППО. Именно оттуда просвещение могло распространиться по всей Галилее, где до появления общества не было и речи о нормальном

школьном образовании для местных православных [Россия в Святой Земле... 2020. С. 592]. По поводу учительской семинарии В.Н. Хитрово писал обществу в 1884 г.: «Необходимо... открыть в Назарете полный пансион на 10 или 12 наиболее способных мальчиков из школ Палестинского общества и патриарших и готовить из них, после двухгодичного курса, по 6–7 учителей для сельских школ, лучшего из этих молодых людей посылать в русские духовные семинарии общества» [там же. С. 592–593]. Учитывая задачи, которые возлагались на пансион, его учебный курс должен был отчасти соответствовать курсу российских духовных училищ, представлявших собой переход от элементарной школы к духовной семинарии [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 438. Л. 2].

С благословения патриарха Никодима мужской пансион в Назарете был открыт в 1886 г. Его руководство, как и планировалось, было поручено А.Г. Кезме. По мнению Д. Хопвуда, выбор А.Г. Кезмы в качестве руководителя семинарии был единственно возможным в тот период [Norwood, 1969. P. 144]. Ему же следовало сформировать первый контингент учащихся, отобрав их из выпускников начальных школ ППО [АВПРИ. Ф. Консульство в Бейруте. Оп. 819. Д. 273. Л. 497]. В качестве помощника А.Г. Кезме был назначен учитель Никола Абу-Табах, окончивший местные учебные заведения.

Учебный курс в семинарии в это время составлял четыре года: два года воспитанники обучались в первом классе и два — во втором. Основными предметами были Закон Божий, арабский и русский языки, арифметика, история и география, церковное пение, русское и арабское чистописание. Вместе с тем предполагалось обучение другим дисциплинам, которые входили в программу подобных училищ в России. Преподавание арабского языка было поручено Н. Абу-Табаху. Остальным дисциплинам обучал А.Г. Кезма. Он же отвечал за разработку учебных курсов и подготовку дидактических материалов. Вместе с тем А.Г. Кезма был занят решением административных вопросов в семинарии и начальных школах общества, что было тяжелой нагрузкой для одного человека. В связи с этим на педагогической комиссии ППО, созванной в Петербурге в 1888 г., был поднят вопрос о расширении учительского состава семинарии. Тогда же была разработана основательная программа для этого учебного заведения. В ее составлении принимал активное участие педагог В.П. Кулин, который в 1887 г. посетил учебные заведения Палестинского общества. В перечень обязательных для семинарии дисциплин вошли: Закон Божий, история, география, арифметика, арабский, русский и греческий языки, чистописание, церковное пение, педагогика, ремесла, гимнастика, прогулка по городу [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 438. Л. 12]. Несмотря на то что программа была составлена В.П. Кулиным, а также другими русскими педагогами, ввести и адаптировать ее к местным условиям надлежало А.Г. Кезме. Ему же следовало заняться переводом утвержденных программой учебных пособий. Составление подробной грамматики по русскому языку для арабов планировалось поручить преподавателю Лазаревского института восточных языков сирийцу М.О. Аттае. По мнению известного востоковеда В.Р. Розена, М.О. Аттая был единственным знакомым ему человеком в России, который был способен на это дело [там же. Л. 9 об.].

Педагогическая нагрузка в семинарии должна была распределиться следующим образом: арабским учителям, состоявшим при А.Г. Кезме помощниками, следовало вести курс арабского языка и начала арифметики в первом классе. А.Г. Кезме поручалось преподавание Закона Божьего, а также русского

языка в течение первых двух лет. Считалось, что вести этот курс в первом классе должен был именно араб, так как арабский язык требовался для объяснения нюансов русского языка. [там же. Л. 13 об.]. Между тем успешное освоение русского языка было «главным условием для перевода в высший класс и... для того, чтобы лучшие из окончивших полный курс в пансионе могли быть приняты в низший класс русской духовной семинарии» [там же. Л. 15 об.]. Для того чтобы подготовить воспитанников к поступлению в духовную семинарию, необходимо было во втором классе вести обучение на русском языке. В связи с этим в помощь А.Г. Кезме было решено отправить русского учителя [там же. Л. 2], которым по приглашению В.Н. Хитрово стал Александр Иванович Якубович. Свое образование он получил в военно-медицинской академии, в которой обучался в течение нескольких лет [Аничков, 1910. С. 12].

Несмотря на то что А.И. Якубович не был педагогом по образованию, он некоторое время преподавал в сельской школе и получил опыт работы с детьми, пригодившийся ему в Палестине. По прибытии на Ближний Восток он весьма быстро сориентировался в окружавшей его обстановке и приступил к занятиям. Адаптироваться к местной среде А.И. Якубовичу помогал А.Г. Кезма, который вводил его в курс дела, содействовал подготовке к занятиям, выступал его переводчиком и, вероятно, давал ему уроки арабского языка. При посредничестве А.Г. Кезмы удалось наладить общение и достичь взаимопонимания между русским учителем, Н. Абу-Табихом и арабскими детьми. Коммуникацию А.И. Якубовича с его воспитанниками облегчало то обстоятельство, что в первом классе они изучали русский язык на уроках А.Г. Кезмы и немного понимали русскую речь. Для того чтобы укрепить свои взаимоотношения с арабами, Якубович стремился к общению с учителями и воспитанниками во внеурочное время. По словам ливанского исследователя 'Имад ад-Дина Ра'ифа, русский учитель постоянно находился среди детей и жил их жизнью [Ра'иф, 2018. С. 49].

П.В. Федотов справедливо отмечает, что школьная работа в ИППО на Ближнем Востоке стала подходящим полем деятельности для раскрытия талантов и способностей А.И. Якубовича [Федотов, 2020. С. 1311]. Он не только вел занятия в семинарии, но и налаживал учебный процесс в сельских школах, которые посещал вместе с А.Г. Кезмой и выпускником пансиона Г. Абу-Дервишем. С помощью Г. Абу-Дервиша А.И. Якубович организовал подобие педагогических курсов, которые посещали несколько учителей из начальных школ общества [Якубович, СИППО 1892. С. 170]. На занятиях опытные коллеги знакомили арабских учителей с вопросами общей педагогики, методами преподавания арифметики и арабского языка, решали с ними задачи и занимались русским чтением [там же. С. 171, 174–175]. Каждую субботу А.И. Якубович собирал у себя учительниц, проводил с ними беседы и указывал на недостатки в их работе [там же. С. 186]. Вместе с тем он сам занимался с детьми в начальных школах, чтобы показать учительницам педагогические приемы. Подобные практические занятия были полезны и Г. Абу-Дервишу, который переводил наставления А.И. Якубовича и занимался с арабскими учителями под его руководством. По замыслу А.И. Якубовича семинаристы после окончания второго класса должны были проходить педагогическую практику в образцовой школе, прежде чем отправиться преподавать в другие начальные школы общества. Это учебное заведение, основанное в Назарете в 1889 г., было неразрывно связано с семинарией. С одной стороны, там проходили педпрактику пансионеры, с другой — выпускники этой

школы составляли основной контингент учащихся Назаретской семинарии [Россия в Святой Земле... 2020. С. 596]. Поскольку от качества обучения в образцовой школе зависела подготовка поступавших в семинарию воспитанников, А.И. Якубович и А.Г. Кезма уделяли ей особое внимание. Находясь на педпрактике в образцовой школе, воспитанники продолжали слушать курс педагогики в семинарии, несколько раз в неделю изучали русский язык, занимались переводами, необходимыми для подготовки дидактических материалов. Занятиями практикантов руководил учитель пансиона и начальник образцовой школы Н. Абу-Табих. Каждый вечер он повторял с подопечными материал по тем предметам, которые они должны были вести на следующий день. Перед ним же практиканты отчитывались о проделанной работе. Хотя А.И. Якубович лично следил за преподаванием в школе и давал пансионерам советы, организовать работу учебного заведения должным образом не удавалось. Причиной тому была неопытность педагогов-практикантов, которые менялись каждые два года, а также невозможность обеспечить постоянный контроль над их деятельностью.

Помимо того что А.И. Якубович преподавал в семинарии и наблюдал за работой начальных школ общества, он содействовал появлению новых учебных заведений ИППО в Палестине и Сирии. Поскольку за школами нужен был надзор, руководство общества решило перевести А.И. Якубовича на должность инспектора. Согласно инструкции, принятой на педагогической комиссии 1894 г., инспектору следовало как можно чаще посещать порученные ему учебные заведения, обращая внимание не только на достигнутые результаты, но и на способы, которыми они были достигнуты. Все свои распоряжения инспектор должен был делать через начальника пансиона или непосредственно, сообщая в последнем случае ему об этом для сведения и руководства. Кроме того, инспектору позволялось при объезде школ, когда он считал это необходимым, брать с собой начальника пансиона (А.Г. Кезму) или одного из арабских учителей [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 438. Л. 54]. В обязательном порядке инспектор должен был присутствовать на экзаменах в семинарии, а также других школах общества. Как видно, данная инструкция формально закрепляла принципы взаимодействия между начальником Назаретской семинарии, арабскими учителями, владеющими русским языком, и инспектором, который не мог без их посредничества выполнять служебные обязанности.

С переходом А.И. Якубовича на новую должность возникла необходимость пополнить педагогический состав семинарии русскими учителями. Тогда же появилась возможность включить в ее штат учителей-арабов, окончивших русские духовные школы. Как правило, православные арабы, получившие образование в России, не стремились поступить на службу общества. Этим фактом был весьма обеспокоен А.И. Якубович. По его мнению, лучших выпускников пансиона следовало отправлять в Россию не в духовные семинарии и академии, по окончании которых они стремились бы сделать церковную карьеру, а в учительские семинарии, чтобы пополнить штат учебных заведений ИППО [Якубович, СИППО 1892. С. 188]. Поскольку общество предоставляло арабам возможность получить в России среднее и высшее богословское образование, заменить духовную семинарию на учительскую руководство ИППО не могло. Однако после окончания духовной семинарии стипендиаты общества могли поступить не только в духовные академии, но и в учительские институты, получив таким образом педагогическое образование.

Первые арабские выпускники российских пединститутов поступили на службу ИППО только в начале 1900-х годов. До этого в Назаретской семинарии преподавали арабы, окончившие российские духовные академии. Учитель-араб, владевший русским языком, должен был вести основные дисциплины в первом классе и готовить воспитанников к дальнейшей коммуникации с русскими педагогами. Согласно отчетам 1892–1893 гг., в первом классе семинарии курсы арифметики, арабского языка и русской грамматики читал выпускник Казанской духовной академии Г.Н. Халеби [Махамид, 2002. С. 42]. Во втором классе русский язык, труд, историю, чистописание, черчение и гимнастику преподавал М.И. Овчинников. Е.В. Красильников вел арифметику, географию, геометрию и пение. Курс арабского языка во втором классе читал Н.М. Абу-Табих. Закон Божий во всех классах преподавал А.Г. Кезма [Якубович, СИППО 1893. С. 258].

Несмотря на то что педагогический состав семинарии расширился, особых улучшений в учебном процессе не произошло. Причиной тому была частая смена русских учителей, от которой Назаретская семинария очень страдала. С 1894 по 1897 год в учебном заведении полностью сменились педагоги. Согласно отчетам за 1895–1896 гг., в пансионе преподавали: Д.Ф. Богданов, Х.М. Алла-Верди (сменивший Н. Абу-Табиха), Е.Ф. Дружининский, А.А. Спасский [Кезма, СИППО 1897. С. 232]. Такие перемены в штате Назаретской семинарии были следствием кадровой политики ИППО, которая, по словам П.В. Федотова, не была продуманной. [Федотов, 2015. С. 105]. Как правило, учителями становились молодые люди, только что окончившие учебное заведение, которые редко обладали необходимой мотивацией и подготовкой для работы на Ближнем Востоке. Коммуникативные и бытовые сложности, отсутствие служебных прав приводили к тому, что русские учителя в семинарии постоянно менялись. По замечанию Н.М. Аничкова, большинство педагогов, выписываемых из России, отличались «крайней неуживчивостью» и оставались на Ближнем Востоке в основном на один-два года. [Аничков, СИППО 1899. С. 672]. За это время они не успевали освоить арабский язык, наладить сотрудничество с местными учителями и сблизиться с детьми. В.А. Латышев, инспектировавший школы ИППО в 1897 г., писал, что молодые люди, поступавшие на службу в общество, были неопытны в деле воспитания и не знали арабский язык. В то же время воспитанники недостаточно владели русским языком, соответственно, ни те, ни другие лишней раз не стремились заводить беседы друг с другом [Латышев, СИППО 1897. С. 346]. Решать эту проблему В.А. Латышев предлагал путем активизации общения между русскими и арабами и улучшения качества коммуникации в семинарии. По его мнению, молодым людям, желавшим поступить на службу обществу, следовало восполнить недостаток педагогической подготовки и знания арабского языка в Петербурге. «Познакомившись с арабским языком, — писал В.А. Латышев, — учителя будут охотнее служить в Палестине, особенно если там устроится большее общение всех русских между собою» [там же. С. 351]. Однако, чтобы повысить востоковедную компетенцию русских учителей, обществу нужно было организовать длительные курсы арабского языка с элементами страноведения, что было весьма трудно.

В связи с этим интеграцией русских педагогов в учебную систему семинарии продолжал заниматься А.Г. Кезма, при посредничестве которого сформировались традиции в управлении этим учебным заведением. Важно было и то, что местное население относилось к руководителю семинарии с полным уважением [Аничков, 1910. С. 35]. Каждый учебный год А.Г. Кезма

начинал с педсовета, на котором, как правило, присутствовали новые учителя. Между педагогами распределялись дисциплины и дежурства, составлялось расписание уроков, избирались секретарь педагогического совета и библиотекарь. Несмотря на то что А.Г. Кезма всячески поддерживал новых учителей, оставаясь с ними дежурить в первое время, между русскими педагогами и начальником семинарии случались конфликты. Отправляясь на Ближний Восток, русские учителя плохо представляли свои служебные обязанности, которые состояли не только в преподавании, но и воспитании арабских детей, сформировавшихся в местной культурной среде. Несмотря на то что в основном воспитанники вели себя пристойно, им было сложно привыкнуть к дисциплине и систематическому обучению. Случалось, что некоторые семинаристы смеялись во время службы в церкви, свистели на уроке, разговаривали во время еды, дрались и ругались, бросали друг в друга объедки маслин [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/ 1. Д. 339. Л. 140 об., 144]. В связи с этим учителя должны были следить, чтобы семинаристы соблюдали правила поведения и придерживались распорядка дня. Не желая выполнять функции воспитателей и «подчиняться существующему в пансионе порядку», новые учителя Н.П. Мирошников, Н.М. Богоявленский и В.А. Соловьев отказались выполнять распоряжения Кезмы, которые, по их мнению, не входили в обязанности учителей. В частности, они отказались сопроводить воспитанников в баню [там же. Л. 42 об.]. Улаживать подобные инциденты приходилось не только руководителю семинарии, но и инспектору галилейских школ, должность которого после А.И. Якубовича последовательно занимали А.Н. Малинин и П.П. Николаевский. В основном инспекторами назначались бывшие педагоги Назаретской семинарии, которые имели высшее образование и хорошо изучили специфику местного учебного дела. Вместе с А.Г. Кезмой инспектор помогал новым учителям установить контакт с их воспитанниками, а также решить коммуникативные и бытовые проблемы. А.Г. Кезма и П.П. Николаевский неоднократно указывали учителям, чтобы «они относились к детям с большей сердечностью... вдумывались в порядок воспитания и не тяготились заявлениями и частыми обращениями к ним воспитанников, выказывали бы больше участия к интересам детей, не были бы резки с ними...» [Аничков, 1910. С. 38].

С пополнением штата русскими учителями усложнились коммуникативные процессы не только в семинарии, но и в образцовой школе. Помимо арабского учителя, за преподаванием практикантов теперь наблюдал русский педагог из пансиона, дежуривший по школе в этот день. При этом оба учителя сами уроков не давали, а лишь руководили учебным процессом [Малинин, СИППО 1899. С. 96].

После того как не стало Н. Абу-Табиха, в образцовой школе и семинарии его сменил Х.М. Алла-Верди, окончивший грекоправославное среднее учебное заведение. По словам Н.А. Малинина, «его твердо установившиеся взгляды на обучение и воспитание детей слишком разнились со взглядами остальных членов учительского персонала. Он мало знаком с русским языком» [там же. С. 96]. Практиканты вели преподавание на арабском языке, но по российским методикам, с которыми в силу своего образования Х.М. Алла-Верди не был знаком. Вследствие этого он был не в состоянии оценить методологическую основу урока. В свою очередь, русские учителя, которые не владели арабским языком, не могли «следить за преподаванием руководимого ими предмета и наблюдать за остальными предметами вообще, проверять степень усвоения детьми этих предметов и надзирать за ходом

воспитания и направлять его» [Кезма, СИППО 1897. С. 480]. Ввиду указанных причин роль русского учителя ограничивалась наблюдением за внешним школьным порядком. Отсутствие эффективной коммуникации и, как следствие, недопонимание между руководителем образцовой школы, русскими дежурными педагогами и практикантами мешало верной организации учебного процесса. А.Г. Кезма вместе с инспектором пытались исправить ситуацию, устраивая проверочные уроки, которые практиканты давали в присутствии преподавателя педагогики, ассистента, старшего учителя и руководителя семинарии. По окончании экзаменов инспектор беседовал с каждым практикантом в отдельности, указывая им на сильные и слабые стороны преподавания [Якубович, СИППО 1894. С. 646]. Однако такие проверки не могли производиться часто, поэтому не давали высоких результатов.

Несмотря на существующие проблемы, русско-арабское профессиональное взаимодействие и кадровый состав в семинарии постепенно улучшались. Много для этого сделал руководитель учебной части общества, товарищ министра народного просвещения Н.М. Аничков. Благодаря его усилиям инспекторы школ ИППО и русские педагоги Назаретской семинарии в 1898 г. получили равные права по службе и на пенсию с инспекторами народных училищ и преподавателями учительских семинарий в России [Аничков, СИППО 1899. С. 673]. Это обстоятельство способствовало привлечению в Назарет профессиональных русских педагогов и позволило им дольше оставаться на службе у общества.

Для того чтобы основательно изучить школьное дело ИППО в Сирии и Палестине, Аничков в 1899 г. отправился на Ближний Восток. Неоценимую помощь сенатору в этой поездке оказал М.О. Аттая, который к этому времени уже больше 20 лет жил в Москве и преподавал арабский язык. Как переводчик и помощник Н.М. Аничкова М.О. Аттая осматривал вместе с ним учебные заведения, беседовал с местными жителями и учителями, проверял составленные ими конспекты для занятий и экзаменовал учеников. Всю полученную информацию он детально излагал сенатору. Важнейшим показателем качества учебного процесса в школах общества было умение учителей-арабов пользоваться русскоязычными пособиями при «отсутствии научно-педагогической литературы на арабском языке» [См. Объяснительную записку к смете. Грушевой, 2016. С. 38].

С помощью М.О. Аттая Н.М. Аничков выяснял, насколько арабские учителя были в состоянии перевести задачи из русского учебника по арифметике [Аничков, 1901. С. 177–178]. В ходе проверки оказалось, что далеко не все учителя, окончившие Назаретскую семинарию, понимали изложенный в пособиях материал. Следовательно, они не всегда могли корректно перевести содержащуюся в учебниках информацию на арабский язык и грамотно изложить ее своим воспитанникам. При этом некоторые учителя не только не владели русскоязычной терминологией, но и вообще плохо знали математику. Причину слабой подготовки учителей Н.М. Аничков выяснил в семинарии, изучению которой они с М.О. Аттаей уделили особое внимание. Посетив занятия семинаристов, Н.М. Аничков заметил, что ученики второго класса, в котором преподавали русские учителя, плохо усваивают материал. Несмотря на то что учителя были выпускниками пединститутков, они никогда не преподавали в учительской семинарии и не имели понятия о сирийских детях. Им приходилось принаравливать к ученикам, «сообразуя свои приемы, требования... с умственным развитием мальчиков», а также их

слабым знанием русского языка [Аничков, 1910. С. 64]. Поскольку в начальной школе (и, как правило, в первом классе семинарии) дети изучали арифметику по-арабски, они не могли «понять многих терминов и выражений, употребляемых русским учителем» [там же. С. 75]. Взаимное непонимание часто порождало недоразумения между русскими педагогами и арабскими учениками. Преодолеть языковой барьер между ними отчасти удавалось с помощью практикантов, которые дежурили в семинарии и выступали по необходимости переводчиками русских учителей. Однако знания практикантов, которые окончили два класса семинарии, были еще сырыми. Вследствие этого они часто затруднялись с подбором верных арабских значений для русских слов [там же. С. 71]. Сложности у арабских воспитанников возникали с пониманием инокультурных реалий. К примеру, учителю В.А. Соловьеву было трудно объяснить некоторым ученикам, что такое железная дорога, которую они никогда не видели. Из-за языкового барьера семинаристы не всегда хорошо усваивали программу по геометрии, истории, географии, которые преподавали русские педагоги. По мнению Н.М. Аничкова, к решению данной проблемы следовало подходить комплексно. Прежде всего нужно было расширить учебный курс в третьем классе семинарии за счет увеличения количества дисциплин и их часов. Воспитанники должны были углублять свои знания по истории, географии, арифметике, арабскому и русскому языкам. Кроме того, им следовало посещать «образцовые» уроки опытных педагогов (учителей в образцовой школе), прежде чем преподавать самим. Согласно программам прошлых лет (в 1894 г. был закреплен 6-летний курс подготовки в семинарии), воспитанникам третьего класса на 5–6-м годах обучения следовало заниматься преимущественно педпрактикой и посещать лишь несколько уроков в неделю по русскому языку и педагогике. Вследствие этого процесс изучения русского языка у практикантов стагнировал, а знания по другим дисциплинам утрачивались. В такой ситуации они не могли выступать полноценными переводчиками на уроках русских педагогов, а также обстоятельно вести занятия в образцовой школе.

Вместе с тем сенатор указывал на необходимость изучения русскими сотрудниками школ и инспекций арабского языка, что могло избавить их от постоянной потребности в переводчиках. Решение коммуникативных проблем между русскими и арабами являлось, по мнению Н.М. Аничкова, непременным условием для развития школьного дела. Постоянное привлечение себе в переводчики А.Г. Кезмы и других арабских учителей отвлекало их от прямых обязанностей и вредило учебному процессу [Аничков, 1901. С. 15]. Изучение арабского языка русскими инспекторами и педагогами должно было улучшить усвоение семинаристами программ по различным дисциплинам. В отличие от В.А. Латышева, Н.М. Аничков полагал, что арабский язык нужно изучать не в Петербурге, а непосредственно на Востоке. Вместе с тем он считал целесообразным привлекать на службу в семинарию арабов, которые получили духовное и педагогическое образование в России и знали оба языка в совершенстве. Такие учителя более успешно преподавали русский язык во втором классе по сравнению с русскими коллегами.

Знание русского языка было необходимо семинаристам не только для того, чтобы поступить в духовную семинарию в России, но и чтобы пользоваться методической литературой. «На арабском языке почти нет педагогической литературы, — писал Н.М. Аничков, — не существует ни учебников педагогики, ни методик преподавания предметов начальной школы, нет народных книг для чтения, нет детских или педагогических журналов» [там же. С. 21].

Особую нужду учебные заведения общества испытывали в толковом задачнике по арифметике, которого не было на арабском языке. Вместо него существовали рукописные конспекты, которые арабские учителя использовали в преподавании. Эти конспекты с задачами, выписанными из учебников С.В. Житкова, А.И. Гольденберга, В.А. Евтушевского, были тщательно изучены М.О. Аттаей. Основная проблема, по его мнению, заключалась в том, что задачи были переведены дословно, без учета местных реалий, поэтому дети с трудом понимали, о чем идет речь.

Составлением учебных пособий для школ общества занимались А.Г. Кезма, А.И. Якубович, П.П. Николаевский, В.Н. Хитрово, Д.Ф. Богданов, однако переводили их исключительно арабы. Качество перевода зависело от их знания русского и арабского языков, а также самих дисциплин. Помимо А.Г. Кезмы, переводами занимались и другие арабские учителя, а также семинаристы-практиканты. Среди них следует назвать К.И. Каназе, Х. Акеля, Х. Бейдаса, П. Дафеш, К. Каттуфа и др. Несмотря на то что работа над составлением и переводом пособий велась постоянно, обеспечить начальные школы общества, а также Назаретскую мужскую и Бейт-Джалльскую женскую семинарии учебниками по всем дисциплинам было весьма сложно.

Решить эти и другие задачи, от которых зависело качество обучения в семинариях и начальных школах общества, предстояло на педагогической комиссии и съезде инспекторов, созванных в 1899 и 1902 годах под председательством Н.М. Аничкова. В комиссиях принимали участие видные русские педагоги, учителя и инспекторы школ ИППО [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 438. Л. 73–74, 101]. Кроме того, к участию в заседаниях был приглашен М.О. Аттая «как специалист по арабскому языку, составляющему один из главнейших предметов преподавания в вышеупомянутых учебных заведениях» [там же. Л. 71; ЦИАМ. Ф. 213. Оп. 2. Д. 12. Л. 107].

Во время заседаний педагогического съезда 1902 г. участники обсудили 59 вопросов. Особое внимание Н.М. Аничков уделил вопросам русско-арабского взаимодействия и коммуникации в школах общества. По его мнению, следовало достичь «большого единства действий между лицами преподавательского состава из русских и сирийцев» [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 438. Л. 103]. Улучшению взаимопонимания, а также укреплению профессионального сотрудничества должно было способствовать увеличение количества уроков русского языка в Назаретской и Бейт-Джалльской семинариях. Вместе с тем Н.М. Аничков указывал на необходимость «большей практики учащихся в русском языке и изучения учителями и учительницами практически арабского языка» [там же. Л. 104].

В ходе комиссий были пересмотрены, исправлены и дополнены инструкции и программы обеих семинарий и начальных училищ, а также инструкции инспекторов школ. Согласно программе 1902 г., перечень дисциплин, предусмотренных для учительских семинарий, включал: Закон Божий, арабский, русский, турецкий и греческий языки, историю, географию, геометрию, краткое учение о воспитании, арабское чистописание, русское чистописание, черчение и рисование, пение русское и арабское, рукоделие и ручной труд, гигиену, гимнастику, практические занятия в школе [Грушевой, 2020. С. 53]. Разработанные инструкции и программы вошли в «Труды педагогического съезда Императорского православного палестинского общества», которые были опубликованы в 1902 г. и стали, по словам А.А. Дмитриевского, руководящими в школах и семинариях общества вплоть до 1913 г. [Дмитриевский, 2014. С. 138].

К новым учебным программам прилагался расширенный список учебных пособий. Директор Псковской учительской семинарии А.И. Константиновский обещал Н.М. Аничкову составить руководства по педагогике, русскому языку, истории, арифметике, геометрии, естествоведению, физике, чистописанию, рисованию, садоводству и огородничеству, пчеловодству и пению для наставников и воспитанников учительских семинарий и народных учителей ИППО [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 438. Л. 121]. Несмотря на то что в официальном списке предметов семинарии естествознание, физика, садоводство, огородничество и пчеловодство не значились, их преподаванием в той или иной мере планировали озаботиться.

В работе над переводами учебных пособий принял активное участие М.О. Агтая, а также известный петербургский востоковед Н.А. Медников. М.О. Агтае было поручено перевести историю арабской литературы В.Ф. Гиргаса, а также составить и перевести учебные пособия по географии, которые соответствовали программам семинарии [там же. Л. 79]. Вместе с тем ему следовало проверить и оценить перевод пособий по математике, обучение которой в школах ИППО велось не слишком успешно. В проверке нуждались переводы арифметических задачник С.В. Житкова, А.И. Гольденберга, В.А. Евтушевского, выполненные выпускниками Назаретской и Бейт-Джалльской учительских семинарий. По поводу данных переводов М.О. Агтая писал: «Эти учебники нельзя только пересмотреть и оценить, но нужно почти все вновь перевести и большую часть задач заменить другими, более применительными к условиям жизни арабов» [там же. Л. 80–80 об.]. Несмотря на существенные трудности, М.О. Агтая выполнил поставленные перед ним задачи: адаптировал информацию, содержащуюся в русскоязычных учебниках, к местным реалиям и выполнил профессиональный перевод. Ускорение перевода и издания учебных пособий для школ и семинарий ИППО Н.М. Аничков считал важнейшей мерой для улучшения учебного процесса.

После того как в 1899 и 1902 гг. были приняты новые программы, в учебном процессе Назаретской семинарии произошли изменения, содействовавшие постепенному улучшению русско-арабской коммуникации. Для того чтобы облегчить воспитанникам восприятие учебного материала, русский язык во втором классе стал преподавать арабский учитель. Такая постановка дела благоприятно отразилась на успехах учеников не только в изучении русского языка, но и других дисциплин. При переводах с русского на арабский язык преподаватель-араб требовал совершенной точности, а затем разбирал ошибки. Подробные разъяснения на арабском языке позволяли ученикам первого и второго классов лучше понять русский текст и пересказать его по сравнению с учениками третьего класса, где вел русский учитель. При таком подходе семинаристы могли более вдумчиво читать учебную литературу на русском языке по разным предметам.

Качественные изменения, позволившие усилить контроль над деятельностью практикантов и улучшить учебный процесс, произошли в образцовой школе. Руководителем этого учебного заведения в 1900 г. был назначен К.И. Каназе. Он был первым выпускником Назаретской семинарии, получившим педагогическое образование в России — в Глуховском учительском институте. По словам инспектора П.П. Николаевского, в школе он следил за деятельностью практикантов и руководил их занятиями по арабскому языку, Закону Божьему и отчасти арифметике, помогая им в подготовке учебного материала по этим предметам [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/ 1. Д. 339. Л. 101–101 об.]. К.И. Каназе, а иногда учитель семинарии А.А. Стасевич,

которому Аничков рекомендовал изучать арабский язык, тщательно проверяли и исправляли конспекты практикантов, по которым они вели уроки. Большая часть конспектов составлялась по-арабски, поскольку практикантам было сложно вести уроки по русскоязычным дидактическим материалам. В качестве дополнительной проверки образцы конспектов и расписание уроков, которые давали практиканты, отправлялись в совет общества. Некоторые из этих конспектов переводились на русский язык [там же. Л. 111].

Помимо контроля над дидактическими материалами, по которым преподавали практиканты, на их уроках постоянно присутствовал кто-либо из начальствующих [там же. Л. 106 об.]. Двойной контроль К.И. Каназе и А.А. Стасевича, которые беспрепятственно общались друг с другом и придерживались общих принципов в педагогической работе, давал положительный результат.

Вместе с тем по субботам в семинарии устраивали собрания, на которых присутствовали практиканты, учителя школы и начальник пансиона, а иногда и инспектор [там же. Л. 107]. На собраниях разбирались уроки арабского языка и арифметики, указывались ошибки начинающих педагогов и пути к их исправлению. Протоколы педагогических советов наряду с различными отчетами инспекторы предоставляли в совет общества, где они тщательно изучались. После этого инспекторам из совета поступали различные распоряжения, касающиеся учебной части.

Помимо практикантов, которые менялись каждые два года, в образцовой школе стали преподавать выпускники семинарии на постоянной основе. В 1902 г. учителем образцовой школы был назначен Тауфик Халиль, а в 1904 г. — Дмитрий Хури и Амин Жаржура.

В Назаретской семинарии учебный процесс улучшался по мере того, как его педагогический штат пополнялся арабами, окончившими русские учебные заведения, а срок службы русских учителей и приобретенный ими опыт увеличивались. В начале 1900-х гг. произошли перемены в кадровом составе не только образцовой школы, но и семинарии, а также Галилейской инспекции. В 1901 г. на службу семинарии поступил выпускник Казанской духовной академии Антуан Баллан, а в 1902 г. — выпускник Глуховского учительского института Николай Сак. На должность инспектора галилейских школ в 1904 г. был назначен выпускник Московской духовной академии П.И. Ряжский. По примеру других русских педагогов и инспекторов П.И. Ряжский прислушивался к «разумным советам» А.Г. Кезмы, которые помогали ему «в затруднительных случаях, требовавших... основательного знакомства с местной жизнью и людьми...» [Каназе, СИППО 1908. С. 584]. Вместе с А.Г. Кезмой и другими педагогами Ряжский содействовал правильной постановке учебного-воспитательного дела в семинарии и галилейских школах общества. За несколько лет совместной работы под началом А.Г. Кезмы Н.И. Сак, К.И. Каназе и А.Д. Баллан наладили друг с другом профессиональные и дружеские контакты и приобрели необходимый опыт работы. В связи с этим педсовет семинарии, состоявший, по словам А.Г. Кезмы, «из более опытных и знакомых с условиями местной жизни лиц, имел возможность, помимо своих занятий учебною частью, вырабатывать различные правила, относящиеся до воспитательной и хозяйственной сторон заведения» [Правила... СИППО, 1904. С. 60]. В отличие от учебных программ, которые разрабатывались в Петербурге, принципы воспитательной работы могли быть сформулированы на Востоке арабскими и русскими педагогами, которые

имели большой стаж работы в семинарии, хорошо знали местные традиции и психологию арабских детей. Результатом совместного труда назаретских педагогов стал список правил, которые строго регламентировали поведение воспитанников в семинарии, а также вне ее. В документе прописывались нормы поведения в церкви, во время прогулок, в спальне, в столовой, на занятиях, в отношении к старшим. При этом большинство правил поведения были заимствованы из практики русских учебных заведений и адаптированы к местной среде. Вместе с тем в правилах содержались требования, нацеленные на улучшение качества русско-арабской коммуникации. К примеру, в дни дежурств русских педагогов и преподавателей-туземцев, знающих русский язык, воспитанникам предписывалось говорить между собой по-русски [там же. С. 67]. Список данных правил, которые имели под рукой русские и арабские учителя, был своеобразной инструкцией, помогая им достичь единства требований в отношении к ученикам, что было весьма важно для воспитательного процесса.

Поступавшие из Петербурга программы и инструкции внедряли в школы и семинарии сообразно обстоятельствам в зависимости от специфики учебного заведения, подготовки педагогического штата и других местных особенностей. По сути, эти программы оттачивались и дорабатывались уже на месте. К примеру, благодаря учителю Н.И. Саку в семинарии было расширено преподавание ручного труда, который стал обязательным для воспитанников всех трех классов. Подобные изменения в программе пансиона произошли после того, как опытно была доказана польза занятий ручным трудом для воспитанников первого класса, которые до этого одни посещали семинарскую мастерскую [Россия в Святой земле... 2020. С. 596]. Вместе с тем Н.И. Саком были введены факультативные занятия по музыке и игре на музыкальных инструментах, для того чтобы развить у воспитанников эстетический вкус [Сак, СИППО 1905. С. 414].

Русско-арабское взаимодействие в семинарии углублялось не только во время уроков, но и внеклассных занятий, а также прогулок и экскурсий, предусмотренных программой. Загородные экскурсии, во время которых воспитанников сопровождали русские и арабские педагоги, имели «самое благотворное влияние на физическое и умственное развитие молодежи...» [Сак, СИППО 1905. С. 405]. Подготовку к таким прогулкам ученики осуществляли заранее, читая в пособиях по истории и географии о тех местах, которые планировали посетить. Накануне отъезда воспитанники рассказывали учителю все, что они знали о местах, через которые им предстояло ехать. Вместе с тем они получали от наставника дополнительную информацию. Помимо общения с русскими сотрудниками общества, а также паломниками, семинаристы встречались с экскурсантами из России, которые периодически посещали учебные заведения ИППО [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 354. Л. 91 об.]. Таким образом, воспитанники семинарии имели возможность оттачивать свои коммуникативные навыки среди русскоязычного контингента семинарии, а также вне ее.

Постепенно педагогический состав семинарии становился все более сбалансированным в профессиональном отношении, что влияло на качество коммуникации и учебный процесс. Помимо русских учителей с педагогическим образованием на службу общества иногда поступали востоковеды, для которых работа в школах ИППО была возможностью получить языковую практику. Востоковедами по образованию были Д.Ф. Богданов и П.П. Николаевский, которые сначала преподавали в Назаретской семинарии, а затем

стали инспекторами. Хорошо владел арабским языком учитель Д.В. Семенов, который впоследствии составил «Хрестоматию по сирийскому диалекту». [Грушевой, 2016. С. 37]. В 1909 г. в семинарии преподавал выпускник Лазаревского института восточных языков С.С. Аверкиев. В это время в Лазаревском институте курсы арабской словесности и практики читали А.Е. Крымский и М.О. Аттая, у которых С.С. Аверкиев познакомился с литературным арабским языком и его сиро-ливанским диалектом. Вместе с тем штат семинарии продолжал пополняться арабскими учителями, окончившими российские учебные заведения. Помимо А.Г. Кезмы, К.И. Каназе, А.Д. Баллана в семинарии в 1909 г. преподавал Х.А. Хабиб, который получил образование в Киевском учительском институте. Включение в штат семинарии педагогов, владеющих обоими языками, позволило вывести преподавание отдельных дисциплин на новый уровень и внести коррективы в программу. В это время в семинарии преподавались: Закон Божий, арабский, русский, турецкий языки, гражданская история, география, арифметика с геометрией и алгеброй, природоведение, педагогика, чистописание, черчение и рисование [Кезма, СИППО 1909. С. 613]. Кроме того, воспитанники занимались ручным трудом и переплетным мастерством.

Согласно отчету по Назаретской семинарии за 1909–1910 гг., преподавание дисциплин распределялось между учителями следующим образом: А.Г. Кезма читал курс Закона Божьего, С.С. Аверкиев вел историю, географию, геометрию во втором классе и русское чистописание в первых двух классах. А.Д. Баллан — русский язык в первом и втором классах. К.И. Каназе — педагогику в третьем классе. И.А. Колонатов преподавал русский язык в третьем классе. Он же вел ручной труд и природоведение во всех классах, а также черчение и рисование во втором классе. А.Х. Хабиб преподавал арифметику, русское пение и гимнастику во всех классах, а также черчение и рисование в первом классе. Г.М. Фотие вел арабский язык во всех классах и арабское чистописание в первом классе. Священник-грек Юсеф Наср обучал семинаристов греческому церковному пению, Саид Абу-Хамад — турецкому языку. Английский язык в третьем классе на безвозмездной основе преподавал Дмитрий Хури. Помимо своих прямых обязанностей, учителя семинарии выполняли и другие функции. С.С. Аверкиев был секретарем педсовета, А.Д. Баллан — библиотекарем и воспитателем. Воспитателями также являлись А.Х. Хабиб и Г.М. Фотие. И.А. Колонатов заведовал физическим кабинетом и музеем [Кезма, СИППО 1910. С. 553–554].

Данное распределение свидетельствовало о том, что недостатки учебного процесса, которые подметили Н.М. Аничков и М.О. Аттая в 1899 г., были учтены и по возможности исправлены. В частности, русский язык в первом и втором классах преподавал арабский выпускник российской духовной академии, известный переводчик и литератор А.Д. Баллан. Курс арифметики во всех классах читал А.Х. Хабиб, который весьма углубленно занимался математическими науками. По словам А.А. Дмитриевского, он хорошо владел предметом и увлекательно работал с учениками [Дмитриевский, 2014. С. 311]. Следовательно, вопрос о недопонимании воспитанниками математической терминологии, а также проблема адаптированного перевода задач были решены. Русский учитель С.С. Аверкиев, будучи востоковедом по образованию, мог на уроках использовать арабский язык, чтобы избежать недопонимания. Для того чтобы доходчиво объяснить ученикам материал по геометрии, он без труда мог ознакомиться с арабской терминологией. Арабский язык у всех воспитанников преподавал

учитель с многолетним педагогическим опытом Г.М. Фотие, который, по словам М. Нуайме, был «непререкаемым авторитетом» в области арабской филологии [Нуайме, 1980. С. 95]. Педагогику на третьем курсе семинарии с успехом вел К.И. Каназе. Кроме того, К.И. Каназе руководил образцовой школой, где под его началом много лет преподавали выпускники пансиона Амин Жаржура и Тауфик Халиль. П.И. Ряжский писал об этих учителях следующее: «Оба они по своим дарованиям, осмысленности, методическим приемам, умениям владеть ими и своей учительской добросовестности, строгости к своей работе должны быть признаны лучшими учителями Галилейской инспекции, и немного таких же найдется в Сирии» [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 354. Л. 98 об.].

Существенную помощь в преподавании арабским учителям Незаретской и Бейт-Джалльской семинарий, а также начальных школ общества оказали учебные пособия, переведенные на арабский язык. Благодаря задачнику В.А. Евтушевского, который перевел М.О. Аттая, облегчилось преподавание математики. К.И. Каназе, который читал курс педагогики, вероятно, использовал не только русскоязычные учебники, но и перевод пособия по общей дидактике С. Миропольского, выполненный Христофором Акелем. Большую пользу учителям и воспитанникам семинарий принес русско-арабский словарь, составленный выпускником Казанской духовной академии, русским ученым палестинского происхождения П.К. Жузе. Словарь в качестве награды раздавали ученикам за отличную учебу и поведение.

Улучшению коммуникативного и, как следствие, учебного процесса в семинарии содействовали педагогические советы, которые регулярно созывались А.Г. Кезмой [там же. Л. 125 об.]. На собраниях обсуждались вопросы, связанные с обучением, воспитанием и поведением семинаристов. На одном из педсоветов, состоявшихся в 1909 г., разбиралось поведение воспитанника, который грубо повел себя с преподавателем С.С. Аверкиевым. Об этом инциденте в совет общества сообщил П.И. Ряжский. «Когда г. Аверкиев отказал Жамилю в газете, — писал инспектор, — и заявил, что газеты выписываются не для учеников, то Жамиль ему ответил: «А для кого же? Для чертей, что ли?» Аверкиев понял эту неприличную выходку так, что Жамиль обозвал всех учителей чертями, поскольку именно для них выписывались газеты. Арабские учителя на собрании оспаривали такой смысл фразы, так как соответствующая арабская поговорка, переведенная учеником на русский язык, имела несколько другой смысл: «для чертей значит ни для кого. Досталось чертям, значит, никому не досталось» [там же. Л. 26]. Данный эпизод позволяет получить представление о том, какие недоразумения коммуникативного характера происходили в семинарии и как их сообща решали русские и арабские педагоги. А.А. Дмитриевский, посетивший Ближний Восток в 1910 г., считал «просвещенную совместную, товарищески дружную» работу учителей главной причиной успеха семинарии [Дмитриевский, 2014. С. 310].

Благодаря совместным усилиям педагогов удалось достичь значимых результатов в преподавании широкого спектра дисциплин, включая русский и арабский языки. От того, насколько глубоко воспитанники осваивали эти языки, зачастую зависел успех их профессиональной деятельности. По сведениям, содержащимся в отчетах, учебная программа русского и арабского языков в семинарии была весьма обстоятельной и выкристаллизовывалась в течение десятилетий. В разработке программы по арабскому языку принимал непосредственное участие М.О. Аттая, а также русские востоковеды.

Процесс обучения обоим языкам осуществлялся при помощи схожих методов, разработанных с учетом достижений российской и европейской педагогической мысли. В первом и во втором классах семинарии воспитанники изучали грамматику, теорию словесности, а также историю русской и арабской литературы [Кезма, СИППО 1909. С. 613]. В изучении арабской литературы назаретским воспитанникам, судя по всему, помогал труд В.Ф. Гиргаса, который перевел и снабдил дополнительными текстами М.О. Аттая. В третьем классе воспитанники знакомились с методикой преподавания русского и арабского языков. Во время внеклассных занятий семинаристы читали книги на русском языке, взятые из библиотеки, и писали на них отзывы. Кроме того, они выполняли переводы с русского на арабский язык и иногда публиковали их в журнале, который издавал выпускник семинарии и учитель Хайфской школы ИППО Халиль Бейдас.

Об успехах в изучении русского и арабского языков, а также уровне гуманитарного образования в Назаретской семинарии можно судить по темам сочинений, которые предлагались воспитанникам в выпускном классе: «Значение восточных народов в истории культуры», «Образование и его значение в истории прогресса», «Семья и школа в отношении к задачам воспитания» [там же. С. 614], «Прогресс народов и высшие школы», «Женское образование», «Научное значение опыта и наблюдения». Помимо сочинений на социально значимые темы, в которых раскрывалась роль образования в современном обществе, воспитанники писали работы на темы, посвященные русской классической литературе: «Одинаково ли изображают Пушкин и Гоголь русскую действительность», «Значение Ломоносова в русской литературе» [Кезма, СИППО 1910. С. 555]. Основательное изучение русского и арабского языков позволяло выпускникам семинарии с успехом заниматься не только преподавательской, но и переводческой и литературной деятельностью.

За 28 лет существования Назаретской семинарии (учебные заведения ИППО были закрыты с началом Первой мировой войны) ее окончило более 70 воспитанников, которые успешно трудились на Ближнем Востоке, в России, Западной Европе и Соединенных Штатах. Среди наиболее известных ее выпускников писатели Насиб Арида, Михаил Нуайме, Абд аль-Масих Хаддад, творчество которых испытало сильное влияние русской литературы. Благодаря переводческой и издательской деятельности Селима Кобейна, Халиля Бейдаса, Антуана Баллана арабы получили возможность познакомиться с произведениями русской литературы. Селим Кобейн и Михаил Нуайме впоследствии поддерживали контакты с Советским Союзом. Определенный вклад в развитие советской арабистики внесли выпускники Назаретской семинарии Тауфик Кезма (брат А.Г. Кезмы) и Ибрагим Уруар, которые трудились в Киеве и Баку.

Большинство же выпускников Назаретской семинарии составили контингент профессионально подготовленных учителей. По замечанию М. Нуайме, англичане после оккупации Палестины не могли обойтись без этих учителей и их опыта в управлении образованием местных жителей и палестинскими школами [Нуайме, 1980. С. 93].

Выпускники семинарии не только руководили начальными школами общества в Сирии и Палестине, но и являлись переводчиками и секретарями школьных инспекторов, помогая им контролировать учебный процесс. Выступая связующим звеном между инспектором и местным населением, учителя-семинаристы являлись опорой, на которой держалось образование

в начальных мужских школах ИППО. При этом результаты их педагогической деятельности во многом зависели от уровня подготовки, которую они получили в семинарии.

В свою очередь, качество учебно-воспитательного процесса в Назаретской семинарии зависело не только от профессионализма педагогов, но и эффективности коммуникации между ними и их учениками. Поскольку русские учителя редко владели арабским языком, взаимопонимания с воспитанниками им помогали достичь А.Г. Кезма или другие арабские учителя и семинаристы-практиканты, освоившие русский язык. Чем больше штат семинарии пополнялся арабскими педагогами, окончившими учебные заведения в России, тем легче происходило обучение воспитанников и проще достигалось взаимопонимание с русскими учителями. Этому же способствовало длительное пребывание на службе ИППО некоторых русских педагогов и инспекторов, которые успевали освоить разговорный арабский язык, установить контакт с арабскими воспитанниками и учителями, а главное — проникнуться к ним симпатией. Постепенному развитию учебно-воспитательного дела содействовали и другие процессы, в которых коммуникативный фактор играл важную роль. В частности, участие Н.М. Аничкова и М.О. Аттани в инспекции по изучению школ и семинарий ИППО. Совместная работа видных русских педагогов, арабских учителей и инспекторов общества во время педагогических комиссий, разработки программ, в подготовке и переводах учебных пособий способствовала улучшению качества образования в семинарии, позволила достичь высоких результатов в подготовке арабских учителей, которые внесли существенный вклад в просвещение и культурное возрождение Арабского Востока.

Литература

АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. 208. Консульство в Бейруте. Оп. 819. Д. 273. [Православное палестинское общество]. 1882–1885.

АВПРИ. Ф. 337/2. РИППО (Российское императорское православное палестинское общество). Оп. 873/1. Д. 339. [О Назаретской учительской семинарии и Галилейских школах общества]. 1899.

АВПРИ. Ф. 337/2. РИППО. Оп. 873/1. Д. 354. [О Назаретской учительской семинарии и Галилейских школах общества]. 1909.

АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 438. [Педагогические съезды учителей и выработка программ и инструкций для школ общества]. 1888–1902.

Воробьева И.А. Русские миссии в Святой земле в 1847–1917 годах. М.: Институт востоковедения РАН, 2001. 174 с.

Выписки из писем старшего учителя Назаретского мужского пансиона А.И. Якубовича от 28 июня, 5, 15, 26 августа, 1 сентября, 1 октября, и 26 декабря 1891 г. // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. 1892. № 2. С. 168–192.

Грушевой А.Г. Из истории русских школ на Ближнем Востоке: архивные материалы и статья. СПб: Контраст, 2016. 285 с.

Грушевой А.Г. Планы развития образования в русских школах на Ближнем Востоке перед Первой мировой войной // Христианство на Ближнем Востоке. 2020. № 4. С. 37–56.

Грушевой А.Г. Последняя учебная программа учительских семинарий Императорского православного палестинского общества // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 2 (22). С. 258–331.

Дмитриевский А.А. Н.М. Аничков (Некролог) // Палестинское общество и русские школы на Востоке. Статьи, очерки, отчёты. Составление, вступительная статья и научная редакция Н.Н. Лисового. СПб: Изд-во Олега Абышко. 2014. 416 с.

Дмитриевский А.А. Отчет о ревизии учебных учреждений Императорского Православного Палестинского Общества в Сирии и Палестине // Палестинское общество и русские школы на Востоке. Статьи, очерки, отчёты. Составление, вступительная статья и научная редакция Н.Н. Лисового. СПб: Изд-во Олега Абышко, 2014. 416 с.

Дмитриевский А.А. Русские учебно-воспитательные, благотворительные и странноприимные учреждения в Палестине и Сирии (к 25-летию юбилею Императорского Православного Палестинского Общества). Речь, произнесенная на годичном заседании Киевского отдела Императорского Православного Палестинского Общества, 15 апреля 1907 г. // Палестинское общество и русские школы на Востоке. Статьи, очерки, отчёты. Составление, вступительная статья и научная редакция Н.Н. Лисового. СПб: Изд-во Олега Абышко, 2014. 416 с.

Из Назарета (Корреспонденция). Двадцатипятилетний юбилей службы начальника Назаретской учительской семинарии А.Г. Кезма в учебных заведениях Императорского Православного Палестинского Общества. Автор К. Каназе // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. 1908. Т. 19. № 4. С. 583–589.

Извлечение из отчета Председательствующего в отделении поддержания православия Н.М. Аничкова по осмотру им весной 1899 г. учебных заведений общества в Палестине и Сирии // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. 1899. № 11–12. С. 656–691.

Крымский А.Е. История новой арабской литературы. М.: Наука, 1971. 794 с.

Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX века. М.: Индрик, 2006. 512 с.

Махамид Омар. Россия и Палестина: диалог на рубеже XIX–XX веков: историко-литературные очерки. СПб: Лики России, 2002. 152 с.

Назаретская, имени В.Н. Хитрово, учительская семинария И.П.П. Общества в 1907–1908 учебном году. По отчету начальника семинарии А.Г. Кезма // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. 1909. Т. 20. № 4. С. 613–619.

Назаретские мужской пансион и образцовая школа общества в учебном 1896–97 г. (Из отчета начальника Назаретского мужского пансиона А.Г. Кезма) // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. 1897. № 4. С. 471–485.

Нуайме М. Мои семьдесят лет. М.: Наука, 1980. 237 с.

Отчет инспектора Галилейских учебных заведений А.И. Якубовича за 1893/94 учебный год // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. 1894. № 6. С. 641–658.

Отчет начальника Назаретского пансиона А.Г. Кезма за учебный 1895–1896 г. // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. 1897. № 2. С. 232–254.

Отчет по Галилейским учебным заведениям Общества, представленный А.И. Якубовичем за 1-е полугодие учебного 1892–93 года // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. 1893. № 3. С. 257–273.

Отчет помощника инспектора А.Н. Малинина по Галилейским учебным заведениям Императорского Православного Палестинского Общества за второе полугодие 1897-8 учебного года // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. 1899. Т. 10. № 1. С. 91–106.

Пасхальная прогулка воспитанников Назаретской Василия Николаевича Хитрово семинарии в 1904 г. Из отчета преподавателя Николая Сака // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. 1905. Т. 16. № 3. С. 405–412.

Правила для воспитанников Назаретской В.Н. Хитрово учительской семинарии Императорского Православного Палестинского Общества // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. 1904. Т. 15. № 1. С. 61–72.

Преподавание ручного труда и музыки в Назаретской учительской семинарии в 1903–4 учебном году // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. 1905. Т. 16. № 3. С. 412–415.

Россия в Святой земле. Документы и материалы. Т. 3. М.: Индрик, 2020.

Учебные заведения Императорского Православного Палестинского Общества (из отчета директора народных училищ С.-Петербургской губернии В.А. Латышева по командировке в Палестину и Сирию в 1897 г.) // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. 1897. № 3. С. 341–351.

Учебные и врачебные заведения Императорского православного палестинского общества в Сирии и Палестине. Отчет члена Совета Общества Н. М. Аничкова. Ч. 1. СПб, 1901. 374 с.

Учебные и врачебные заведения Императорского православного палестинского общества в Сирии и Палестине. Отчет члена Совета Общества Н. М. Аничкова. Ч. 2. СПб, 1910. 264 с.

Учительская, имени В.Н. Хитрово, семинария в Назарете в 1909–1910 учебном году. По отчету А.Г. Кезма // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. 1910. Т. 21. № 4. С. 553–558.

Федотов П.В. Галилейский учебный округ Императорского Православного Палестинского Общества в 1892–1914-х гг.: русские сотрудники школьной инспекции // Былые годы. Российский исторический журнал. 2020. № 57 (3). С. 1309–1316.

Федотов П.В. Кадровая политика Императорского Православного Палестинского общества на Ближнем Востоке (1882–1914 гг.): русские сотрудники учебных заведений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2015. № 2. С. 102–108.

ЦИАМ (Центральный исторический архив Москвы). Ф. 213. Лазаревский институт восточных языков. Оп. 2. Д. 12. [Личное дело преподавателя практических занятий в Специальных классах по арабскому языку Михаила Аттая]. 1873–1916.

ЦИАМ. Ф. 229. Московская духовная академия. Оп. 4. Д. 4. [Абуд Спиридон]. 1854–1855.

ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 1676. [Кезма Александр Гаврилович студент]. 1882–1883.

ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 4602. [Хабиб Ханания Яков Христофорович студент]. 1890–1896.

ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 4605. [Хаким Александр студент]. 1904–1908.

Horwood, Derek. The Russian Presence in Syria and Palestine 1843–1914. Church and Politics in the Near East. Clarendon Press Oxford. 1969. 232 p.

Kildani, Hanna. Modern Christianity in the Holy Land. (Translated by George Musleh). Bloomington. 2010. 722 p.

حنا أبو حنا. طالع النهضة في فلسطين (خريجو المدارس الروسية) 1862–1914 بيروت. مؤسسة الدراسات الفلسطينية 2005. 193 ص. (Авангард Возрождения в Палестине. (Выпускники русских школ). 1862 – 1914. Бейрут. Организация палестинских исследований. 2005. 193 с.)

عماد الدين رائف. من بيروت وعنهما: أوراق أوراسية في التفاعل الحضاري. بيروت. دار المصور العربي. 2018. 178 ص. (Ра'иф 'Имад ад-Дин. Из Бейрута и о нем – Евразийские листки о цивилизационном взаимодействии. Бейрут: изд. Аль-Масауер Аль-Араби, 2018. 178 с.)

References

Archive of the foreign policy of the Russian Empire. Fund 208 – Consulate in Beirut. Inventory 819. Dossier 273 [Orthodox Palestine Society]. 1882–1885.

Archive of the foreign policy of the Russian Empire. Fund 337/2 – Russian Imperial Orthodox Palestine Society. Inventory 873/1. Dossier. 339 [About the Teachers' Training School in Nazareth and IOPS Galilean educational institutions]. 1899.

Archive of the foreign policy of the Russian Empire. Fund – Russian Imperial Orthodox Palestine Society. Inventory 873/1. Dossier. 354 [About the Teachers' Training School in Nazareth and IOPS Galilean educational institutions]. 1909.

Archive of the foreign policy of the Russian Empire. Fund – Russian Imperial Orthodox Palestine Society. Inventory 873/1. Dossier. 438 [Pedagogical teachers' convention and preparation of curriculum and instruction manuals for Society schools]. 1888–1902.

Dmitrievskii, A.A. Palestine Society and Russian schools in the East. Articles, essays, reports. St. Petersburg. 2014. 416 p. [in Russian]

Educational and medical institutions of the Imperial Orthodox Palestine Society in Syria and Palestine. Report of the Society Board member N.M. Anichkov. Part. 1. St. Petersburg, 1901, 374 p. [in Russian]

Educational and medical institutions of the Imperial Orthodox Palestine Society in Syria and Palestine. Report of the Society Board member N.M. Anichkov. Part 2. St. Petersburg, 1910, 264 p. [in Russian]

Extracts from Eastern Orthodox Christianity enhancement Department Chairman N.M. Anichkov report on his inspection of IOPS educational institutions in Palestine and Syria in spring 1899. *Soobshcheniya IPPO*, 1899, no. 11–12, pp. 656–691. [in Russian]

Extracts from letters of senior teacher in the Teachers' Training School in Nazareth A.I. Yakubovich dated June, 28; August, 5, 15, 26; September, 1; October, 1; December, 26. 1891. *Soobshcheniya IPPO*, 1892, vol. 3, no. 2. pp. 168–192. [in Russian]

Fedotov P.V. Personnel policy of the Imperial Orthodox Palestine Society in the Middle East (1882–1914): Russian educational staff. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2015, no. 2. pp. 102–108. [in Russian]

Fedotov P.V. The Galilee School District of the Imperial Orthodox Palestine Society in the 1892–1914: Russian Employees of Inspectorate. *Bylye gody. Rossiyskiy istoricheskiy zhurnal*, 2020, no. 57 (3), pp. 1309–1316. [in Russian]

From Nazareth. (Correspondence) The twenty-fifth anniversary of A.G. Kazma service as the Head of Nazareth Teachers' Training School in educational institutions of IOPS. Corresponding author – K. Kanaze. *Soobshcheniya IPPO*, 1908, vol. 19, no. 4, pp. 583–589. [in Russian]

Grouchevoy A.G. From the history of Russian schools in the Middle East. St. Petersburg, 2016, 288 p. [in Russian]

Grouchevoy A.G. The Last School program of teacher's Seminary of the Imperial Orthodox Society for Palestine Studies. *Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 2018, no. 2 (22), pp. 258–331. [in Russian]

Grouchevoy A.G. The long-term plans for development of the educational system in Russian schools in the Near East before World War I. *Christianity in the Middle East*, 2020, no. 4, pp. 37–56. [in Russian]

Hopwood, Derek. *The Russian Presence in Syria and Palestine 1843–1914. Church and Politics in the Near East*. Clarendon Press Oxford, 1969, 232 p.

IOPS educational institutions (Extracts from report on an inspection travel to Palestine and Syria presented by Director of St. Petersburg Governorate people's schools V.A. Latyshev. *Soobshcheniya IPPO*, 1897, no. 3. pp. 341–351. [in Russian]

Kildani, Hanna. *Modern Christianity in the Holy Land*. (Translated by George Musleh). Bloomington, 2010, 722 p.

Krymskiy A.E. *History of Modern Arabic Literature*. Moscow, 1971, 794 p. [in Russian]

Lisovoy N.N. *Russian spiritual and political presence in the Holy Land and the Middle East in the 19th – early 20th centuries*. Moscow, 2006, 512 p. [in Russian]

Mahamid Omar. *Russia – Palestine. The Dialogue at the turn of the 19-th – 20-th Centuries*. St. Petersburg, 2002, 152 p. [in Russian]

Nazareth Teachers' Training School named after V.N. Khitrovo in 1907–1908 school year. From report by A.G. Kazma. *Soobshcheniya IPPO*, 1909, vol. 20, no. 4, pp. 613–619. [in Russian]

Nazareth Teachers' Training School named after V.N. Khitrovo in 1909-1910 school year. From report by A.G. Kazma. *Soobshcheniya IPPO*, 1910, vol. 21, no. 4, pp. 553–558. [in Russian]

Noaima M. *Seventy*. Moscow, 1980, 237 p. [in Russian]

Principles of conduct for boarders of the IOPS Nazareth Teachers' Training School named after V.N. Khitrovo. *Soobshcheniya IPPO*, 1904, vol. 15, no. 1, pp. 61–72. [in Russian]

Report of Galilean educational institutions Inspector A.I. Yakubovich for 1893/94 school year. *Soobshcheniya IPPO*, 1894, no. 6, pp. 641–658. [in Russian]

Report of Nazareth boarding school superintendent A.G. Kazma on 1895–1896 school year. *Soobshcheniya IPPO*, 1897, no. 2, pp. 232–254. [in Russian]

Report on Society Galilean educational institutions for the first half of 1892–93 school year presented by A.I. Yakubovich. *Soobshcheniya IPPO*, 1893, no. 3 pp. 257–273. [in Russian]

Report on Society Galilean educational institutions for the second half of 1897–8 school year presented by Assistant Inspector A.N. Malinin. *Soobshcheniya IPPO*, 1899, vol. 10, no. 1. pp. 91–106. [in Russian]

Teaching crafts and music in Nazareth Teachers' Training School in 1903–04 school year. From report by N. Sack. *Soobshcheniya IPPO*, 1905, vol. 16, no. 3, pp. 412–415. [in Russian]

The Central Historical Archive of Moscow – Fund 213 Lazarev Institute of Oriental Languages. Inventory 2, Dossier 12 [personnel file of M.O. Attaya Arabic training teacher in Specialized Classes]. 1873–1916.

The Central Historical Archive of Moscow – Fund 229 Moscow Theological Academy. Inventory 4. Dossier 4 [Spiridon Abud]. 1854–1855.

The Central Historical Archive of Moscow – Fund 229. Inventory 4. Dossier 1676. [Kazma Alexander Gavrilovich a student]. 1882–1883.

The Central Historical Archive of Moscow – Fund 229. Inventory 4. Dossier 4602. [Habib Hania Yakov Hristoforovich a student]. 1890–1896.

The Central Historical Archive of Moscow – Fund 229. Inventory 4. Dossier 4605 [Hakim Alexander a student]. 1904–1908.

The Pupils of the Nazareth Teachers' Training School named after V.N. Khitrovo at Easter promenade. *Soobshcheniya IPPO*, 1905, vol. 16, no. 3, pp. 405–412. [in Russian]

The Teachers' Training School in Nazareth and IOPS Model school in 1896–97 school year. From report presented by A.G. Kazma. Soobshcheniya IPPO, 1897, no. 4, pp. 471–485. [in Russian]

Vorob'eva, I.A. Russian missions in Holy Land in 1847–1917. Moscow, 2001, 174 p. [in Russian]

حنّا أبو حنا. طالع النهضة في فلسطين (خريجو المدارس الروسية) 1862 – 1914 بيروت. مؤسسة الدراسات الفلسطينية 2005. 193 ص. (Pioneers of the Renaissance in Palestine (Graduates of Russian Schools) 1862–1914. Beirut. Institute for Palestine Studies, 2005, 193 p.)

عماد الدين رائف. من بيروت وعنّها: أوراق أوراسية في التفاعل الحضاري. بيروت. دار المصور العربي. 2018. 178 ص. (Raef, Imadeddine. From Beirut and beyond. Eurasian papers in civilizational interaction. Beirut. 2018. 178 p.)